

**Исаченко
Сергей Владимирович**

**Альтернативная культура
в позднесоветском социуме: региональное измерение**

24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Работа выполнена в Федеральном государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Краснодарский государственный университет культуры и искусств» Министерства культуры РФ

Научный руководитель **Еремеева Анна Натановна,**
доктор исторических наук, профессор
Кубанского государственного университета
культуры и искусств

Официальные оппоненты: **Галкова Ольга Валентиновна,**
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории и культурологии
Волгоградского государственного
медицинского университета

Волкова Полина Станиславовна,
доктор философских наук, доктор
искусствоведения, профессор Кубанского
государственного аграрного университета

Ведущая организация: **Кубанский государственный университет**

Защита состоится «19» апреля 2014 г. в «10.30» часов на заседании диссертационного совета ДМ 208.008.07 при Волгоградском государственном медицинском университете (400131, г. Волгоград, пл. Павших Борцов, 1, в аудитории 4-07).

С диссертацией можно ознакомиться в научно-фундаментальной библиотеке Волгоградского государственного медицинского университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2014 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

И. К. Черёмушникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена значительным интересом к альтернативной культуре со стороны учёных – представителей различных социальных и гуманитарных дисциплин, а также музеев, выставочных залов, архивов, библиотек.

Понятие «альтернативная культура» не имеет терминологической точности и неоднозначно трактуется как отечественными, так и зарубежными исследователями. Противоречивость оценок и суждений связана со сложностью, многогранностью, недостаточной изученностью феномена, политической конъюнктурой. Кроме того, множество исследователей альтернативной культуры ранее было непосредственно вовлечено в процесс её производства и трансляции и пока не готово «чувствовать себя той бабочкой, которую рассматривают под микроскопом» (Л. Рубинштейн).

Альтернативная культура являлась важным компонентом позднесоветской культуры. Её изучение позволяет рассмотреть культурный процесс в СССР во всей его целостности и противоречивости, во всём многообразии, в контексте самых различных сторон социокультурной жизни. Актуальным представляется выявление соотношения понятий «официальная культура» и «альтернативная культура», их границ, взаимодействия и взаимопроникновения.

Исследователи альтернативной культуры долгое время ограничивались территориальными рамками Москвы и Ленинграда, т.е. главных центров альтернативных движений и объединений. Это объективно тормозило осознание роли и места альтернативной культуры в социокультурном пространстве регионов.

Учитывая сложившуюся ситуацию, сложной, но важной задачей представляется исследование альтернативной культуры на конкретном историческом материале, введение в научный оборот новых источников. Это будет объективно работать на формирование представления о советской

культуре как территории «разномыслия» (термин Б. Фирсова), сложнейшем культурном комплексе, а также на коррекцию упрощённого мнения об СССР как исключительно монологичном варианте цивилизации.

Степень разработанности проблемы. Заявленная тема и отдельные её аспекты, нашедшие отражение в диссертации, до сих пор не были предметом специального изучения. Исследователи лишь в той или иной степени затрагивали соответствующую проблематику в контексте решения иных задач (изучение истории академического диссидентства, самиздата, творчества отдельных представителей неофициального искусства).

Научную литературу, которая в большей или меньшей степени отражает тему исследования, можно разделить на три группы: теоретические работы, рассматривающие проявления альтернативности в истории культуры; труды по истории культуры СССР и специально посвящённые альтернативной культуре (самиздату, музыкальному, литературному, изобразительному андеграунду, творчеству бардов и диссидентству); исследования по истории региональной культуры, в том числе и её неофициального сегмента.

В рамках первой группы выделим труды философов и культурологов В. Беньямина, Г. Зиммеля, И. Кристола, Г. Кана, Г. Маркузе, Р. Нисбета, Т. Розака, Ч. Рейча, Ю. Замошкина, Н. Мотрошиловой, Ю. Давыдова, И. Роднянской, М. Новинской, П. Гуревича, Ю. Лотмана, А. Панарина, М. Новинской, В. Лазарева, О. Тугановой, Л. Ионина, Г. Кнабе, И. Ильина, Ю. Замятина, Л. Баткина, В. Петрова, К. Мяло, И. Сухиной, М. Султановой, М. Уварова, Д. Десятерика, А. Юрчака и др., рассматривающих развитие культуры в контексте конфликта официальной и множества альтернативных субкультур.

Заслуживают внимания работы Б. Асафьева, Е. Барбана, Б. Борисова, П. Волковой, А. Сохора, А. Цукера, Ф. Шака и др. по проблеме соотношения процессов, происходящих в сфере искусства и жизни социума.

Своеобразное видение советской альтернативной культуры, основанное на личном опыте, противостоянии с государственными институтами,

представлено в культурологических трудах участников альтернативных движений 1960-х–1970-х годов: И. Голомштока, А. Глезера, З. Зинника, Б. Гройса, Ю. Мальцева, В. Богатищева-Епишина (С. Лён), Ж. Медведева, В. Паперного. Их труды изначально печатались в тамиздате и самиздате, часть была переведена на европейские языки.

Проблеме прав человека, одной из базовых для содержания альтернативной культуры, посвящено множество работ, в основном – политологических и социологических. В трудах А. В. Петрова, в т.ч. монографии «Права человека в русской культурной традиции» (Волгоград, 2006), данная проблема представлена в историческом контексте и как предмет научных дискуссий.

Ко второй группе можно отнести многочисленные исследования по истории и культуре позднесоветского общества. Отдельно выделим труды по истории диссидентства Л. Алексеевой, Д. Байрау, А. Безбородова, В. Березовского, Н. Брагинской, В. Воронкова, А. Даниэля, А. Еремеевой, Э. Лассан, Ю. Левады, З. Нагдалиева, С. Неретиной, А. Савельева, С. Чуйкиной, В. Шелохаева. В них представлен подробный анализ идейных течений в диссидентском движении, партийно-государственной политики в отношении инакомыслия. В данных трудах, а также в работах М. Айзенберга, Ю. Арабова, Н. Байтова, Б. Гройса, А. Даниэля, В. Долинина и Д. Северюхиной, О. Заславской, В. Кривулина, В. Марочкина, М. Петрусика, Ю. Русиной, Е. Скарлыгиной, С. Савицкого, С. Ушакина и др. отражена история развития общественно-политического и литературного самиздата. Авторами дана оценка роли и места самиздата в трансляции альтернативной культуры. Связь феномена самиздата с различными российскими и мировыми литературными традициями освещена сквозь призму ленинградской неофициальной поэзии участниками конференции «Вторая культура: Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы» (Женева, 2012). Новейшее исследование по данной проблематике – кандидатская диссертация О. Заславской «Самиздат и

тамиздат как культурно-коммуникационный феномен позднего социализма в странах Восточной Европы (1960–1980 годы)» (СПб, 2014).

В центре внимания зарубежных и отечественных учёных А. Арндта, А. Комароми, А. Лавджой, М. Нелсона, В. Паризи, Ф. Л. Стокера, Б. А. Хорна, И. Суслова – самиздат, тамиздат и западное радиовещание. Данные явления представлены как транснациональные СМИ, способствующие трансляции альтернативной культуры в период «холодной войны».

Л. Брусиловская в книге «Культура повседневности в эпоху “оттепели” (метаморфозы стиля)» (М., 2000) показывает, какое воплощение получили ценности и нормы альтернативной культуры в повседневной жизни советских людей. В фокусе внимания М. Зезиной – взаимоотношения власти и художественной интеллигенции в условиях позднего сталинизма и десталинизации. Данный вопрос поднимается также в культурологических трудах А. Богдановой и В. Конева в связи с исследованием истории советской культуры, её статуса в обществе. К. Соколов обобщил обширный материал, касающийся роли художественной интеллигенции в политической и культурной жизни страны, основные этапы культурной политики, выделил разнородные составляющие истории позднесоветской культуры, в т.ч. самиздат, бардовское движение, соотнёс советское искусство и андеграунд.

На особенностях цензурной политики государства в сфере художественной культуры в 1960-х–1980-х годов, отношении общества к неофициальному искусству акцентируют внимание П. Вайль, А. Генис, Т. Горяева, М. Заламбани, Д. Кречмар, Н. Митрохин, М. Миловзорова, Е. Раскатова, В. Эггелинг. Общий культурный контекст появления и функционирования андеграунда освещён в работах Ю. Арабова, М. Айзенберга, Н. Байтова, Б. Гройса, В. Петрова, С. Савицкого.

История и жанровая структура альтернативного направления позднесоветского искусства представлены в работах В. Левашова, Н. Маньковской, О. Холмогоровой, Т. Шехтер, А. Якимовича, К. Аймермахера.

Феномену авторской песни посвящены труды Ю. Андреева, Л. Беленького, Р. Джагалова, И. Каримова, И. Ничипорова, Р. Платоновой, Д. Смита, Д. Сухарева.

Идейные основы рок-культуры рассматривались в трудах таких видных мыслителей, как Т. Адорно и М. Хоркхаймер. Среди отечественных авторов публикаций по истории рок-музыки выделим О. Аксютину, А. Житинского, Г. Кнабе, А. Козлова, А. Кушнина, В. Марочкина, И. Смирнова, А. Троицкого, Е. Федорова, В. Шадрина. Психологические проблемы рок-культуры показаны в работах Т. Голубевой, С. Иконниковой, Г. Квятковского, Д. Леонтьева, ее художественно-эстетический потенциал – в трудах В. Агеносова, К. Анкудинова, Ю. Даманского, И. Кормильцева и О. Суровой, И. Набока, Т. Чередниченко. Отдельную группу изданий составляют справочники, словари, энциклопедии А. Айвазяна, А. Бурлаки, С. Кастальского.

Исследователи альтернативной культуры, так или иначе, касаются проблемы взаимодействия официальной и альтернативной культур. Результат этого взаимодействия в форме «промежуточной культуры», «буферного искусства», «гибридности», «двойных агентов» отражены в работах В. Богатищева-Епишина, Е. Раскатовой, К. Рогова, С. Савицкого, С. Ушакина, И. Уваровой, Б. Фирсова, А. Юрчака.

История альтернативной культуры в последние годы становится основой университетских спецкурсов, предметом историографических штудий. Опубликованы тексты лекций Е. Скарлыгиной, в которых третья волна эмиграции из СССР представлена в контексте отечественной культуры. В учебник для вузов «Современная российская историография (Минск, 2009) включена глава А. Еремеевой «Историография неофициальной культуры (середина 50-х – середина 80-х гг.)».

Сегодня можно констатировать растущий интерес исследователей к истории альтернативной культуры регионов. Сферы и виды протестной активности в среде учёных, преподавателей вузов на Урале (Свердловской,

Челябинской, Пермской областях) рассмотрены А. Прищепой. Оппозиционная активность учёных новосибирского Академгородка подвергнута анализу Е. Водичевым и Н. Куперштох. Большой интерес представляют труды, созданные на региональном материале, по истории иркутского (В. Скращук), сибирского и дальневосточного (М. Богданова) самиздата. Активно разрабатывается история провинциального художественного андеграунда – свердловского (Т. Жумати), ивановского (М. Миловзорова и Е. Раскатова). Процесс формирования поэтического андеграунда в Перми освещает А. Сидякина. Интерес представляет диссертационная работа А. Федулова «Неофициальная культура в СССР во второй половине 60-х–80-х годах XX века» (Элиста, 2010), в последнем разделе которой освещены альтернативные тенденции в культуре Калмыкии.

Отдельные аспекты истории альтернативной культуры Краснодарского края нашли отражение в научных трудах и публицистике. Это диссидентство в среде научной интеллигенции и бытование отдельных неподцензурных текстов (А. Еремеева, Н. Ламосова Е. Ряполова, В. Огрызко); альтернативное изобразительное искусство (Л. Бондаренко, М. Меретукова); поэтический андеграунд (Е. Ревина); авторская песня (В. Ушканов, Э. Гончаров, В. Рунов).

Анализ литературы свидетельствует о том, что история альтернативной культуры в СССР, её роль и место в провинциальном социуме нуждается в дальнейшем изучении.

Объект исследования – альтернативная составляющая в культуре позднесоветского периода.

Предмет исследования – региональная специфика альтернативной культуры.

Целью представленной диссертации является выявление особенностей формирования, бытования и трансляции альтернативной культуры в региональном пространстве (на примере Краснодарского края).

Для достижения цели предполагается решить следующие **задачи**:

- рассмотреть основные методологические подходы к определению альтернативной культуры;
- охарактеризовать основные тенденции формирования и трансляции альтернативной культуры в позднесоветский период;
- определить типологию регионального самиздата, реконструировать процесс циркуляции неподцензурной литературы в Краснодарском крае;
- исследовать соотношение официального и неофициального компонентов в музыкальной культуре региона, рассмотреть основные тенденции в развитии бардовского движения на Кубани;
- воссоздать особенности развития регионального художественного андеграунда и формирование неофициальных художественно-эстетических объединений.

Хронологические рамки исследования – середина 1950-х – середина 1980-х гг.

Территориальные рамки исследования в основном включают Краснодарский край. В рассматриваемый период его территория была обширнее, чем в настоящее время, за счёт Адыгейской автономной области. Задачи исследования обусловили необходимость учёта событий и процессов, имевших место в Москве, Ленинграде, отдельных регионах СССР.

Методологические основы исследования. Логика работы определена проблематикой, целями и задачами, своеобразием использованных источников. Сравнительно-исторический, типологический, реконструктивный, историко-генетический методы исследования реализованы посредством общенаучных принципов историзма и объективности. Это позволило рассмотреть возникновение и развитие форм альтернативной культуры в конкретно-исторических условиях, выявить особенности её развития и трансляции в региональном пространстве.

Метод устной истории (интервьюирование участников культурного процесса изучаемого периода) дал возможность, используя терминологию П. Томпсона, услышать «голос прошлого».

Использование в качестве источников разного рода художественных и публицистических текстов, необходимость постижения смыслов, вложенных их создателями, обусловила использование герменевтического метода.

Анализ и социокультурная интерпретация феномена альтернативной культуры произведён с опорой на указанные в историографическом обзоре исследования историков, философов и культурологов. Особое значение имеют положения о взаимодействии официального и неофициального компонентов в культуре позднесоветского периода.

Источниковая база исследования включает разные виды опубликованных и неопубликованных источников, многие из которых впервые введены в научный оборот.

Из опубликованных источников выделим двухтомник ««Другое искусство». Москва. 1956–1988». (М., 2006). Заслуживает внимания документальное издание «Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы» (М., 1998) «Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР» (М., 2005) и «Власть и диссиденты. Из документов КГБ и ЦК КПСС» (М., 2006). Большинство документов отражает ситуацию в Москве и Ленинграде.

Реконструкция регионального измерения альтернативной культуры потребовала анализа, главным образом, неопубликованных источников. Особое значение имеют документы из фондов Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК).

Из материалов ГАКК выделим фонд Краевого совета по туризму и экскурсиям (Р-1624). Интерес представляют также документы из следующих фондов: Краснодарская краевая организация «Союза художников РСФСР» (Р-1722); Краснодарская краевая организация «Союза писателей Краснодарская краевая организация «Союза художников РСФСР» Кубани» (Р-1735); Краснодарское краевое отделение «Союза композиторов РСФСР»

(Р-1796); Краснодарская краевая филармония (Р-1693); Краснодарский краевой театр оперетты (Р-1705); Краснодарский государственный академический театр им. Горького (Р-1726); Краснодарская организация Союза театральных деятелей РСФСР (Р-1750); Управление культуры Краснодарского края (Р-1380).

В ЦДНИКК наиболее информативен обширный фондотдела пропаганды и агитации Краснодарского крайкома КПСС (1774-А).

В архивных материалах превалирует *делопроизводственная документация*: распоряжения, отчёты, планы работы и хозяйственно-финансовые сметы, протоколы заседаний, постановления, решения, положения о деятельности краевой секции туристской песни; стенограммы совещаний о националистических проявлениях среди граждан татарской национальности, ранее проживавших в Крыму; справки о работе по усилению научно-атеистической пропаганды и пресечению религиозного сектантства; информация о настроениях населения.

Ценным источником для исследования избранной темы представляются материалы *периодической печати*. На страницах местных периодических изданий, в первую очередь газет («Советская Кубань», «Комсомолец Кубани»), появлялись критические материалы, посвящённые неофициальной культуре и искусству.

Отдельные аспекты бытования альтернативной культуры нашли отражение в периодике самиздата. Материалы отдельных самиздатовских журналов с предисловиями и комментариями опубликованы полностью или помещены в Интернете («Хроника текущих событий», «Сумма»). Содержание ряда изданий известно лишь по описаниям, имеющимся в других источниках.

Из *источников личного происхождения* интерес представляют письма краснодарского писателя В. Жилина (Шейфермана) Б. Окуджаве, письмо писателя-диссидента В. Максимова В. Жилину, переписка автора с

известным представителем советской альтернативной культуры С. Сиговым (С. Сигеем) и мемуарная литература.

Устно-исторические источники. Исходя из общей малочисленности документальных материалов по теме диссертации, автор инициировал создание новых источников, проведя серию интервью с представителями кубанской интеллигенции – участниками или свидетелями культурных процессов позднесоветского периода.

В качестве источника выступает художественная литература изучаемого периода; публикации художественного журнала «Транспонас» издававшегося в г. Ейске; тексты песен самодеятельных авторов Кубани; работы художников-нонконформистов, прежде всего Е. Цея.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- представлен историографический и методологический анализ альтернативной культуры в категориальном поле культурологии;
- выявлены социокультурные причины формирования альтернативной культуры в позднесоветском социуме, формы её бытования и трансляции;
- раскрыты типология, особенности циркуляции и потребления самиздатовской литературы в Краснодарском крае;
- воссозданы основные тенденции развития бардовского движения на Кубани, официальная и неофициальная составляющие в музыкальной жизни региона;
- прослежена история развития и региональная специфика художественного андеграунда, проанализированы его особенности в контексте истории художественной жизни Краснодарского края.

Положения, выносимые на защиту:

1. В современном гуманитарном знании альтернативная культура рассматривается как универсальный феномен. В широком смысле данное понятие используется для обозначения креативных социокультурных установок, противостоящих принятой в том или ином обществе ценностной

доминанте. В узком смысле альтернативная культура – это конкретно-исторический феномен, сублимирующий не только контркультурные, но и антикультурные интенции молодёжных субкультур. Применительно к позднесоветскому периоду, альтернативная (неофициальная, «вторая», «параллельная», «другая») культура представляется важным компонентом сложной, структурированной советской культуры. Несмотря на оппозиционность альтернативной культуры официальной, для них характерно взаимодействие и взаимопроникновение.

2. В СССР альтернативная культура зародилась в период «оттепели» в среде критически мыслящей интеллигенции Москвы и Ленинграда. Пространство альтернативной культуры было освоено диссидентским движением и опирающейся на разные культурные традиции субкультурой андеграунда. Создание и трансляция альтернативной культуры происходили в рамках литературно-художественных объединений, квартирных семинаров, выставок, неподцензурных изданий и западного радиовещания как пропаганды, замаскированной под новостные и культурные программы.

3. Не ограничиваясь пределами культурных столиц страны, альтернативная культура распространялась и в регионах. Доказательством этому служит, в частности, история создания и бытования самиздатовской литературы в Краснодарском крае. Репертуар самиздата, циркулировавшего в крае, соответствовал общесоюзным тенденциям. В содержании наиболее стабильного общественно-политического издания самиздата – журнале «Хроника текущих событий» – нашли отражение кубанские сюжеты. Религиозный самиздат был представлен, в основном, неофициальными изданиями протестантов. В Ейске издавался «трансфуристический» литературно-художественный журнал «Транспонанс».

4. В результате исследования установлено, что массово распространившееся в разгар хрущёвской «оттепели» бардовское движение на Кубани зародилось позже, чем в Москве и в Ленинграде. Бардовская среда в регионе формировалась, главным образом, из представителей

интеллектуальной. Родоначальниками бардовского движения на Кубани стали члены секции спелеологов при Краснодарском городском клубе туристов. В творчестве бардов преобладала туристская тематика. Как альтернативный путь распространения бардовской песни можно рассматривать лекционно-концертную деятельность бардов в сотрудничестве с обществом «Знание». Расширение аудитории происходило и через магнитиздат. Как и в целом по стране, интерес к магнитиздату в крае способствовал также популяризации западной и развитию отечественной рок-музыки.

5. Нонконформистскому направлению изобразительного искусства на Кубани были свойственны эклектизм, открытость – как к культурному наследию прошлого (переосмысление авангардистских течений в искусстве), так и к постмодернистским экспериментам отечественных и зарубежных художников.

Теоретическая и практическая значимость исследования представляется в том, что результаты работы могут служить базой для дальнейшего исследования проблем, связанных с альтернативной культурой, осознания её роли и места в жизни социума, осмысления трансформаций, произошедших в позднесоветский и постсоветский периоды.

Содержание диссертации может быть полезным в образовательной деятельности, при разработке вузовских курсов по истории культуры и её регионального компонента, в создании музейных экспозиций, формировании архивных фондов.

Апробация исследования. По теме исследования автором опубликовано двенадцать статей, в том числе – 3 статьи в ведущих научных журналах, утвержденных перечнем ВАК. Общий объем публикаций – 4,1 п.л. Основные положения диссертации были представлены в форме докладов и тезисов на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях: «Поликультурные основания формирования общероссийской идентичности» (Краснодар, 2008), «История научной интеллигенции Юга России: межрегиональные и международные аспекты» (Краснодар, 2008),

«Художник и время» (Краснодар, 2008), «Научная жизнь Северного Кавказа в условиях социально-политических трансформаций XX века» (Краснодар, 2009), «Этнокультурные технологии формирования российской идентичности в полиэтническом регионе» (Анапа – Краснодар, 2009), «Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований» (Ростов-на-Дону – Краснодар, 2010), «Книжное делонаСеверном Кавказе: методы, источники, опыт исследований» (Краснодар, 2011), «Двенадцатые Кайгородовские чтения: наука, культура, образование в пространстве региона» (Краснодар, 2012), «Медийные стратегии современного мира» (Сочи, 2012).

Материалы диссертации использовались в чтении разработанного автором учебного спецкурса «История медиакультуры» для студентов факультета музыкальных медиатехнологий консерватории Краснодарского государственного университета культуры и искусств.

Структура и содержание диссертации соответствуют поставленной цели и задачам. Исследование состоит из введения, двух глав, включающих 5 параграфов, заключения, списка источников и использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, анализируется степень её разработанности, историография и источниковая база, определены цели и задачи, положения, выносимые на защиту, научная новизна и практическая значимость работы.

В первой главе – **«Альтернативная культура в современном историко-культурном дискурсе»** – автор прослеживает тенденции исследования сущности альтернативной культуры, ее основные проявления в культуре позднесоветского периода.

В *первом параграфе* – **«Основные подходы к определению альтернативной культуры»** – рассматриваются различные трактовки понятия альтернативной культуры.

Отмечается, что в качестве понятия, тождественного «альтернативной культуре», нередко выступает «контркультура» (термин введён Т. Роззаком). Попытка онтологически подвести её генезис под аспекты функционирования контркультурных движений в западном индустриальном обществе не всегда продуктивна. Альтернативная культура нацелена на созидание другой реальности, «изменённой», «параллельной», открывающей новые горизонты (Д. Десятерик).

Советская критика контркультуры (Л. Митрохин, Ю. Замошкин, Н. Мотрошилова, Ю. Давыдов, И. Роднянская, Г. Василев, В. Лазарев, В. Молчанов, О. Туганова) формировалась под воздействием идеологии того времени. Однако были и исследователи, которые пытались объективно разобраться в её сущности как механизме трансформации культурных парадигм (П. Гуревич, А. Мельвиль, А. Панарин, М. Новинская, К. Мяло, Г. Кнабе и др.).

Альтернативные практики в советской культуре изначально стали объектом анализа западных исследователей (И. Мед, В. Казак, Л. Уйвари, К. Аймермахер) и советских эмигрантов/диссидентов 1960–1970-х годов (И. Голомшток, З. Зинник, Б. Гройс, В. Богатищев-Епишин (С. Лён), Ж. Медведев, К. Кузьминский, Э. Лимонов и др.). Их внимание было обращено на описание пространства коммуникации альтернативной культуры, отношения к ней властных структур.

В отечественной науке советская альтернативная культура стала изучаться уже в постсоветский период. Исследованы различные аспекты истории диссидентства, практики коммуникации в рамках альтернативной культуры – литературно-художественные объединения, квартирные семинары, самиздат/тамиздат, искусство андеграунда, феномен бардовской песни.

Понятие «андеграунд», как большинство синонимических названий «альтернативная культура», «контркультура», «неофициальная культура» «другая культура», «вторая культура», может быть взаимозаменяемо с

некоторой погрешностью (С. Савицкий). Вместе с тем, определения андеграунда, предлагаемые его акторами и исследователями, подразумевают, прежде всего, пространство альтернативной литературы и искусства. В СССР андеграунд возник немного позднее, чем на Западе, и в силу обстоятельств социально-политического характера и «свойств, типичных для русского национального менталитета» (В. Петров) имел отличительные особенности. Западный и советский андеграунд выполняли схожие функции, являясь формой культурного протеста с той лишь разницей, что западный андеграунд был гораздо меньше политизирован. Однако советский андеграунд не становился истэблিশментом, оставаясь явлением маргинальным (С. Савицкий). По мнению М. Айзенберга, маргинальность была для него маской или таким художественным приёмом, который наделяет иными правами и автора, и его искусство.

В трудах А. Юрчака, В. Богатищева-Епишина, С. Ушакина, К. Рогова, И. Уваровой, С. Савицкого Э. Лассан и др. вопрос о границе официального и неофициального, их соположении рассматривается в контексте их взаимодействия. Одно из проявлений этого взаимодействия – «двойные агенты», представлявшие одновременно официальное и неофициальное культурное пространство.

Исследование альтернативной культуры, осознание её роли в культурном ландшафте позднего СССР, способствовало корректировке представлений о культуре эпохи позднего социализма. Многие авторы (В. Конев, К. Соколов, Е. Чельшев и др.) различают понятия «советская культура» и «культура советского периода». Вторая представляется многослойной, включавшей разнообразные компоненты, в т.ч. не соответствующие идейно-художественным установкам партийно-советского руководства.

Во втором параграфе первой главы – **«Причины формирования, специфика производства, формы бытования альтернативной культуры»** – на основе результатов имеющихся исследований, анализа документов (как

официальных, так и эгоистичников) рассматривается развитие альтернативной культуры в эпоху позднего социализма.

Отмечается, что курс КПСС после XX съезда отнюдь не предусматривал отмены государственной цензуры и уничтожение репрессивного аппарата. Часть критически мыслящей интеллигенции из поколения «шестидесятников» всё более расходилась с властью. Относительно лояльная протестная активность проявилась в письмах во власть, «подписантстве».

Реакцией интеллигенции на неудачи открытого диалога с властями стало возникновение диссидентства. Диссиденты переносили в «сферу официальной публичности» правила, предназначенные для «приватно-публичной сферы», стремясь сознательно разрушить границы между ними. Приватно-публичная сфера была ретранслятором между «официально публичной сферой» и «приватным пространством» (В. Воронков).

Одной из специфических форм диссидентства являлось культурное диссидентство. В отличие от правозащитного крыла, принимавшего наиболее активное участие в самиздатовском процессе, культурное диссидентство формировало субкультуру андеграунда с его интердисциплинарными формами художественной активности, творческими экспериментами.

Важным фактором, повлиявшим на возникновение альтернативной культуры, явилась неформальная коммуникация интеллигенции, её взаимодействие с зарубежными коллегами. Трансляция альтернативной культуры производилась посредством самиздата/тамиздата, магнитиздата, проведения неофициальных выставок художников-нонконформистов, квартирных семинаров.

Самиздат как сумма разножанровых, отличающихся по объему и по качеству печатных текстов, бесцензурно тиражируемых вне официальных каналов, стал инструментом правозащитной активности и своеобразным информационным пространством, объединявшим неофициальное культурное сообщество. Схожие функции выполнял тамиздат – запрещённые в СССР тексты, изданные за рубежом.

Явление, названное магнитиздатом, по своей сути напоминало выпуск самиздата, но на ином материальном носителе. С магнитиздатом был связан музыкальный самиздат, «рок-самиздат» – журналы (по сути, сборники статей и интервью с музыкантами, критиками, деятелями неофициальной культуры), чаще всего отпечатанные на машинке, иногда размноженные фото-способом. Помимо музыки отечественных рок-групп – основного контркультурного жанра андеграундной музыки, в магнитиздат попадали альбомы западных рок-групп.

Процессу постепенного разрушения идеологической системы в сознании людей способствовала массовая практика прослушивания западных радиостанций, «в которую облекалось разномыслие в изолированном тоталитарном государстве» (Б. Фирсов). Значительную часть русскоязычной сетки вещания западные радиостанции выделяли для трансляции песен А. Галича, Ю. Кима, Б. Окуджавы, В. Высоцкого.

Неофициальные литературно-художественные объединения (Лианозовский круг, СМОГ и др.) выполняли функцию освобождения культуры от государственного диктата, восстанавливая насильственно прерванный процесс развития стилей и художественных форм. Их участники, являясь формально культурными маргиналами, «не растворялись в потоке официального искусства» (С. Волков).

Во второй главе диссертации – «Альтернативная культура в социокультурном пространстве региона (по материалам Краснодарского края)» – рассматриваются основные тенденции формирования и бытования альтернативной культуры в Краснодарском крае.

В первом параграфе – «Самиздат на Кубани: видовые характеристики, циркуляция, потребители» – отмечается, что самиздат бытовал в неоднородной социальной среде.

В регионе существовала не только практика машинописной перепечатки самиздатовской продукции, но и ее производство. Репертуар самиздата

включал в себя тексты литературно-художественного, общественно-политического и религиозного содержания.

Через «механизм» самиздата в регионе прошли произведения В. Максимова (Самсонова) – диссидента, писателя русского зарубежья, основателя и редактора журнала «Континент» (Париж, 1974–1992); автора многочисленных романов, чей творческий путь начался на Кубани.

Во время работы известного советского философа М. Петрова в Ейском высшем военном училище лётчиков им была написана повесть «Экзамен не состоялся» (1959 г). Рукопись повести с сопроводительным письмом М. Петров послал в ЦК КПСС (1960 г). Данная повесть – «попытка художественными средствами объяснить настроение и образ мыслей философской элиты накануне XX съезда» (Ю. Тищенко).

Проведённое интервьюирование показало, что самиздатовские тексты активно циркулировали в среде интеллигенции, в частности, в академическом сообществе. Наибольшее распространение имели воспоминания С. Аллилуевой, стихи В. Высоцкого, проза А. Солженицына, книга А. Марченко «Мои показания», статьи академика А. Сахарова.

В гуманитарной среде трансляция текстов происходила, в том числе, в рамках студенческих научных кружков (кружок студентов историко-филологического факультета Краснодарского педагогического института), заданий на спецсеминарах. Студенты получали от отдельных преподавателей перепечатки самиздатовских текстов.

В середине 1970-х гг. в Ейске издавался неподцензурный литературно-художественный журнал «Транспонанс». Его издатели С. Сигов (С. Сигей) и А. Таршис (Ры Никонова), пытались реализовать идеи трансфуризма – авангардного направления поэзии. В конце 1980-х годов С. Сигов издаёт небольшие книжки с малоизвестными текстами русских футуристов В. Хлебникова, И. Зданевича, А. Крученных под общим названием «Альфа и омега XX века», оформленные в эстетике 1920-х годов.

Крупнейшим регулярным неофициальным изданием в СССР был бюллетень правозащитного движения «Хроника текущих событий» (ХТС). В ХТС нашли отражение разнообразные аспекты движения крымских татар, в том числе его кубанские эпизоды, имевшие место на территориях компактного проживания крымских татар – в районе г. Новороссийска, Крымском, Анапском, Темрюкском районах.

Религиозный самиздат на Кубани был в основном представлен литературой, изготовленной членами протестантских конфессий в подпольных типографиях. Собственное издательство под названием «Верный свидетель» было у адвентистов (реформистов). С 1971 г. вся литература евангельских христиан-баптистов большими тиражами печаталась издательством «Христианин».

Факт хранения и распространения самиздата входил в противоречие не только с моральным обликом советского человека, но и с законом, привлекая повышенное внимание органов внутренних дел, различных идеологических инстанций. Однако процесс циркуляции самиздата не прекращался.

Во втором параграфе – «Официальное и неофициальное в музыкальной жизни. Бардовское движение» – предпринята попытка реконструкции музыкальной жизни Кубани с точки зрения сосуществования официального и неофициального сегментов. Особое внимание уделено бардовскому движению.

Условность границ официального и неофициального искусства в позднесоветском социуме проявляется в феномене бардовской песни. Бардовская среда на Кубани формировалась в основном из представителей технической, художественной, научной интеллигенции. Их объединяла увлечённость горным туризмом. Песни сочинялись для узкого круга любителей, исполнялись в туристских походах и на «четвергах» секции спелеологов, которая действовала с 1965 г. при Краснодарском городском клубе туристов.

После выхода в свет постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране» от 30 мая 1969 г. авторская песня в Краснодарском крае, как и повсюду в стране, «легализовалась». К середине 1980-х гг. бардовское движение на Кубани имело в своём арсенале опыт проведения фестивалей самодеятельной песни и участия во всесоюзных акциях. Фестивали бардовской песни стали неотъемлемым элементом музыкальной жизни региона.

Как в целом по стране, на Кубани «магнитиздат» был гарантией сохранения и трансляции бардовской песни, а также способствовал популяризации западной и развитию отечественной рок-музыки.

В третьем параграфе – «Неофициальное изобразительное искусство на Кубани: организационные и концептуальные основы, выставочная практика» – рассматривается история неофициального изобразительного искусства в регионе. Отмечается, что причины его возникновения следует искать в исторически сложившихся художественных предпочтениях.

Интерес к неортодоксальным направлениям изобразительного искусства в Краснодаре проявился ещё в 20-е гг. XX века. Этот процесс стимулировали появление в Краснодарском художественном музее коллекции авангарда, которую сформировал директор музея Р. Войцик из работ столичных и местных художников-авангардистов. Краснодарской музейной аудитории были хорошо знакомы художественные группировки «Мир искусства», «Голубая роза», «Золотое руно», «Ослиный хвост», «Бубновый валет». Привычной была и терминология нового искусства.

Промежуток между хрущёвским разгромом левого крыла МОСХа (Москва, выставка в Манеже, 1962 г.) и «бульдозерной выставкой» (Москва, выставка в Беляево, 1974 г.) стал временем формирования выпускника Краснодарского художественного училища Е. Цея (1924–1982). Он стоял у истоков нонконформистских тенденций в изобразительном искусстве

Краснодарского края и создал свой выразительный язык художественных образов.

Самая объёмная часть творческого наследия Е. Цей – серия живописных работ «Капричос» – выявляет стиль художника, перекликающийся с творческим кредо Ф. Гойи. Сюжеты «Капричос» И. Цей могут рассматриваться в тесной связи с текстами неподцензурной литературы 1960–1970-х гг.

Отмечается, что совпадение творческих взглядов художников, основанное на общем увлечении авангардным искусством, привело к тому, что в 1977 г. Е. Цей, С. Воржев, В. Коробейников, М. Скворцов, В. Пугачёв, Н. Черняк предприняли попытку основать в Краснодаре художественное объединение неформального направления «Контакт». Оно было призвано служить переосмыслению истории русского и зарубежного авангардного искусства, развитию контактов с современным отечественным и западным авангардным искусством, созданию других культурных примеров, организации выставочной деятельности художникам, не включённым в систему профессиональных творческих союзов, «выходу» на заинтересованного зрителя. Были разработаны программные установки объединения, состоялись отдельные художественные акции. Натолкнувшись на сопротивление структур, отвечавших за «идеологическую чистоту искусства», объединение распалось. Однако полного запрета на неофициальное искусство всё же не последовало, что соответствовало общесоюзным тенденциям второй половины 1970-х–начала 1980-х гг.

Говоря об общей стилевой направленности кубанского художественного андеграунда, можно сделать вывод, что ему были свойственны эклектика и открытость – как по отношению к культурному наследию прошлого, так и к творческим экспериментам в интердисциплинарных формах художественной активности, присущих пересекающимся модернистским пластам.

В **заключении** диссертации подведены итоги исследования, сделаны выводы по основным проблемам, рассмотренным в ходе написания работы.

В частности, отмечается, что на современном этапе, как в отечественной, так и в зарубежной науке сформировались различные подходы к определению альтернативной культуры. В узком смысле под ней понимается функционирование альтернативных движений в молодёжной среде. В широком смысле её рассматривают как вневременной феномен мировой истории, бросающий вызов господствующей модели культуры на разных этапах развития человечества.

Применительно к позднесоветскому социуму, альтернативная культура может быть определена как совокупность процессов и проявлений, формировавших андеграундно-диссидентскую зону, функционирующую в режиме подвижного сосуществования с официальной культурой.

Вектор развития альтернативной культуры на Кубани соответствовал общесоюзным тенденциям, однако имел и региональную специфику, связанную с особенностями развития художественных процессов и художественных институтов в Краснодарском крае, национальным и конфессиональным факторами.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Исаченко С.В. Бардовское движение в Краснодарском крае в середине 1960-х – середине 1980-х годов: основные тенденции развития // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 3. – С. 107-109. (0,3 п.л.)

2. Исаченко С.В. Неофициальное изобразительное искусство Краснодара в 1970-е – первой половине 1980-х годов // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – № 3. – С. 5-7. (0,3 п.л.)

3. Исаченко С.В. Неофициальная культура в СССР: региональное измерение (историографический обзор) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. – № 7. URL: http://www.online-science.ru/m/productspunkt/number_7-2013/ (0,4 п.л.)

Публикации в других научных изданиях:

4. Исаченко С.В. Кубанские сюжеты движения крымских татар в «Хронике текущих событий» (1960-начало 1980-х гг.) // Поликультурные основания формирования общероссийской идентичности. Матер. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / Ред. колл. Н.Г. Денисов и др. – Краснодар, 2008. – С. 187-194. (0,4 п.л.)

5. Исаченко С.В. «Пражская весна» и вузовская интеллигенция Кубани // История научной интеллигенции Юга России: межрегиональный и международный аспект. Матер. науч. конф. / Отв. ред. А.Н. Еремеева. – Краснодар, 2008. – С. 118-122. (0,3 п.л.)

6. Исаченко С.В. Официальное и неофициальное в музыкальной жизни СССР 1950-х–1980-х годов // Художник и время. Сб. науч. ст. Вып. 5. – Краснодар, 2008. – С. 122-125. (0,3 п.л.)

7. Исаченко С.В. Научная интеллигенция Кубани и неофициальная культура в позднесоветский период // Научная жизнь Северного Кавказа в условиях социально – политических трансформаций XX века. Матер. науч. конф. / Отв. ред. А.Н. Еремеева. – Краснодар, 2009. – С. 193-199. (0,4 п.л.)

8. Исаченко С.В. Неофициальная культура в позднесоветском социуме: региональный аспект // Этнокультурные технологии формирования российской идентичности в полиэтническом регионе. Сб. науч. ст. / Ред. колл. В.Е. Науменко и др. – Краснодар, 2009. – С. 520-524. (0,3 п.л.)

9. Исаченко С.В. В.Е. Максимов и литературная общественность Кубани // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований. Вып. 6. Сб. ст. / Под ред. А.И. Слущкого. – Краснодар, 2010. – С. 338-343. (0,35 п.л.)

10. Исаченко С.В. Неподцензурные политические и религиозные издания на Кубани в 1960-е–начале 1980-х годов // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований. Сб. ст. / Под ред. А.И. Слущкого. Вып. 7. – Краснодар, 2011. – С. 301-308. (0,45 п.л.)

11. Исаченко С.В. Издательская деятельность Ры Никоновой и С. Сигея в Ейске // Медийные стратегии современного мира. Матер. VI межд. науч.-практич. конф. / Ред. колл. Ю.В. Лучинский и др. – Краснодар, 2012. – С. 291-293. (0,2 п.л.)

12 Исаченко С.В. Художественный андеграунд на Кубани: «Капричос» Евгения Цея // KANT: социально-гуманитарные науки. - 2013. – № 1. – С. 93-96. (0,4 п.л.)

Исаченко Сергей Владимирович

**Альтернативная культура
в позднесоветском социуме: региональное измерение**

24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Подписано в печать «12» марта 2014 г.
Формат 60х84/16. Печать офсет. бум. тип. № 1.
Усл. печ. л. 1,0. Тираж 101 экз. Заказ № ____.

Издательство Волгоградского государственного медицинского университета,
400131, г. Волгоград, пл. Павших борцов, 1.